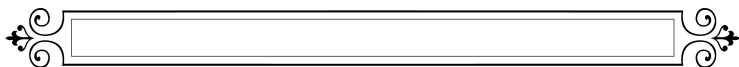

Бразилец, баиянец, бедняк. Известен
самомнением и дерзостью.

*Из полицейского донесения
о Педро Аршанжо.
1926 год*

Иаба — это дьяволица без хвоста.

*Карибе
Сценарий кинофильма «Иаба»*

На широком просторе Пелоуриньо мужчины и женщины учатся сами, учат других. Обширен этот университет: раскинулся, расползся он по Табуану, Портас-де-Кармо, Санто-Антонио-Ален-до-Кармо, по Байша-дос-Сапате́йрос, по рынкам, по Масиелу и Лапинье, по Ларго-да-Се, Тороро, Баррокинье, Сете-Портас и Рио-Вермиельо — повсюду, где мужчины и женщины обрабатывают металл и дерево, варят травы и корни, смешивают свои шаги, ритмы своих песен, свою кровь. А из смешения этого возникают новый цвет и новый звук, рождается новая, прежде невиданная, ни на что не похожая пластика.

Там гудят барабаны атабаке и агого, там гремят бубны, погремушки и пустотелые выдолбленные тыквы-кабасы, там эти убогие инструменты исторгают прихотливые ритмы, щедрые мелодии. Там живет народ Баии, там рождается музыка, там начинается танец.

*Друг, дружочек, друг, дружочек,
Друг, дружочек дорогой.*

Там, рядом с церковью Розарио-дос-Претос, основал когда-то Будиан свою школу ангольской капозэйры. Сюда, в этот дом, пять окон которого всегда распахнуты на Ларго-да-Се, приходят под вечер, после работы, его ученики: они

устали после трудового дня, но шутят и пересмеиваются. Под гул беримбау наносятся и отбиваются удары, проводятся приемы, их не счесть, и каждый — ужасен, каждый — неотразим: вот «мельница», вот подножка, вот подсечка, вот захват, вот зацеп, вот удар головой... Юноши ведут игру. Откуда только не вывезены эти удары, приемы и броски — голова пойдет кругом: из Сан-Бенто Большого и Сан-Бенто Малого, из Санта-Мари и Каваларии, с Амазонки, из Анголы, а сколько еще из других мест, боже ты мой! Здесь, в Баие, искусство ангольской капоэйры обогатилось и преобразилось: капоэйра — все еще борьба, но уже и танец.

А местре¹ Будиан легок, проворен и быстр, как дикая кошка, нет ему равных в силе и ловкости, никто не устоит против него, ничей удар его не достигнет — так стремителен он и прыгуч. В зале показывают свое искусство и доказывают свой талант большие мастера: Боголюб, Лодочник, Шико Лом и Антонио Везунчик, Большой Захария, Пейшото Плешь, Семь Смертей, Шелкоус и Кудряш, Висенте Привереда, Дюжина, Тибурсиньо, Шико Отдай, Заводила и Баррокинья, тот самый, о ком поют:

*Мальчик, кто тебя учил?
Догадайтесь сами:
Тот, кто бороды не брил,
Полицейских всюду бил
И дружил с друзьями...*

А однажды явились хореографы и обнаружили в капоэйре балетные па. За ними пришли самые разные композиторы — и хорошие люди, и подлецы, — на всех хватило нашей забавы, хватило да еще и осталось, вот оно как. Здесь, на Пелоуриньо, в этом вольном университете творит народ свое искусство. Здесь его колыбель. Здесь всю ночь напролет распевают песни...

¹ Местре — принятое в народе уважительное обращение к старшему и мастеру своего дела.

*Ай, ай, Айде,
Научи меня игре,
Ай, ай, Айде!*

А профессора и преподаватели — в каждом доме, в каждой лавке, в каждой мастерской. В той же самой школе мастре Будиана — только во внутреннем дворике — собираются и репетируют участники афоше¹ «Дети Баии» и других карнавальных групп, — там царство молодого Валделойра, того самого, кто не знает себе равных в устройстве карнавалов и пасторилов². Досконально известно ему и искусство капоэйры: когда открыл он в Тороро собственную школу, то показал придуманные им самим приемы и броски. А в большом патио по субботам и воскресеньям — круговая самба: тут уж на первом месте негр Ажайи. Должность посла в афоше еще мог бы у него оспаривать Лидио Корро, но по части самбы он единственный и неоспоримый знаток. Знаток, законодатель ее ритмов, ее главный балетмейстер.

Тут же рядом пишут маслом и акварелью, рисуют цветными карандашами «чудеса». Тот, кто дал обет Господу нашему, спасителю Бонфинскому, или пресвятой деве Кандейанской, или другому какому чудотворцу и получил, чего желал, — тот приходит к художнику, заказывает картину и вешает ее в церкви как безвозмездный дар. Этих художников-самоучек зовут Жоан Дуарте, мастре Лидио Лопес, мастре Кейроз, Агрипиниано Баррос, Раймундо Фрага. Мастре Лисидио режет по дереву гравюры, рисует картинки к разным книжечкам-брошюркам.

Здесь толкуются певцы-трубадуры, бродячие поэты, гитаристы-импровизаторы, сочинители книжонок, что набраны, сверстаны и отпечатаны в типографии Лидио Корро или в другой какой-нибудь, не менее убогой, книжки эти идут по пятьдесят рейсов — за бесценнок, и расходится поэзия и проза по вольной земле Пелоуриньо.

¹ Афоше — карнавальная группа.

² Пасторил — народное представление.

Вот они — поэты, памфлетисты, летописцы, моралисты. Они описывают в подробностях жизнь Баии, они перелагают в звучные вирши истории действительные и выдуманные, но и от тех, и от других у вас глаза на лоб полезут. Вот, например, «Девственница из Барбальо» или, скажем, «История принцессы Марикруз и воздушного рыцаря». Они возмущаются, они издеваются, они учат и забавляют, и удивительные порою выходят у них стихи.

А в лавке Агналдо драгоценное дерево — черное дерево, красный сандал, пероба, массарандуба, палисандр — становятся фигурами Шанго, Иеманжи, Огуна, изображениями сказочных витязей, и в могучих руках их зажаты сверкающие мечи. Могучи руки и самого местре Агналдо: когда уже устало его сердце, измученное болезнью (в те времена у рокового недуга еще не было названия, но обещал он, как и теперь, верную и мучительную смерть), руки мастера, неутомимые его руки продолжали делать богов-ориша. Эти фигуры были исполнены тайны, и казалось, что еле живой Агналдо вдохнул в них вечную жизнь. Его творения тревожат, волнуют, потому что похожи они разом и на легендарные существа, и на всем известных людей. По какому-то случаю «отец святого», жрец из Марагожипе, заказал ему огромную фигуру Ошоossi и прислал для этого ствол жакейры — шесть человек понадобилось, чтобы ствол этот поднять. Истомленный недугом, задыхающийся Агналдо улыбнулся, когда увидел его. Ему отрадно было трудиться над такой машиной, и он вдохновенно вырезал из дерева огромного Ошоossi, великого охотника, только в руки ему вложил не лук со стрелами, а ружье. Необычный получился у него Ошоossi: все, конечно, признали в нем лесного царя, повелителя Кету, но в то же время он был похож и на Лукаса де Фейру, на разбойника-кангасейро, на бандита из сертана, на Безойро — Золотую Струну:

*Сыну завещал Безойро
за мгновенье до конца:
«Не давай себя в обиду
и бери пример с отца».*

Таким местре Агналдо увидал Ошосси, таким он его и сотворил — в кожаной шапке со звездой, в руках — ружье, за поясом — нож. Жрец отверг статую оскверненного, на себя не похожего бога, и много месяцев простояла она в мастерской, словно на страже, пока наконец один заезжий француз не увидел ее и не купил за хорошие деньги. Теперь, говорят, стоит Ошосси в музее, в Париже... Впрочем, мало ли что говорят на вольной земле Пелоуриньо...

А в тонких и слабых руках светлогожего мулата Марио Проэнсы жесть, цинк, медь становятся мечами Огуна, веером Иеманжи, посохом Ошала. Огромная медная Иеманжа каждому укажет мастерскую Проэнсы — «Лавку Матери Вод».

Местре Ману, угрюмый и чумазый силач, человек немногословный и суровый, ворочает в горне трезубец Эшу, оружие Огуна, тугой лук Ошосси, змею Ошумар. В пламени горна, в яростных руках кузнеца рождаются боги-ориша со всеми своими атрибутами. Руки неграмотных творцов созидают искусство.

Пристроившись неподалеку от Портас-до-Кармо, местре Диди возится с бисером и соломинками, с кожей и конским волосом, мастерит фетиши и амулеты. А сосед его, Деодоро — тот, что так раскатисто хохочет, — специалист по барабанам всевозможных видов, разных народностей и племен: наго и жеже, ангола и конго, илус, любимый племенем ижеша.

А на улице Лисеу сидит словоохотливый и веселый сантейро Мигел — он лепит из глины и раскрашивает фигурки ангелов, архангелов, святых. Святые-то католические, почитаемые римской апостольской церковью — Пресвятая Дева непорочно зачатия, святой Антоний, покровитель Лиссабона, архангел Гавриил, младенец Иисус, — что же связывает их с африканскими богами-ориша местре Агналдо? Что между ними общего? А общее между ними — смешанная их кровь. Вот Ошосси, вырезанный Агналдо, — вылитый наемник из сертана. А святой Георгий, сделанный Мигелом, разве не такой же кангасейро? Его шлем больше похож на кожа-

ную шапку, а дракон напоминает не то крокодила, не то кайпору, каким показывают его на празднике богоявления.

Иногда на досуге, когда кровь играет, сантейро Мигел для собственного удовольствия вырезает фигурку нагой негрятки во всей ее непобедимой прелести и дарит друзьям. Одна такая статуэтка — ни дать ни взять Доротея: те же высокие груди, тот же гордо отставленный крутой зад, те же стройные ноги и живот словно распустившийся цветок. Только Педро Аршанжо был бы под пару этой красавице. А вот Роза де Ошала у мастера не получилась, не удалась: «не сумел я разгадать ее тайну», как он сам говорил.

Ювелиры колдуют над благородными металлами: серебро и медь обретают надменную красоту в образе плодов, рыб, талисманов, украшений, что носят в Баие по праздникам. На Ларго-да-Се, на Байша-дос-Сантейрос звенит золото — скоро, скоро станет оно браслетами и ожерельями. Самый славный из ювелиров — местре Лусио Рейс: отец-португалец передал ему свое искусство, но филигранным узорам он предпочел кажу, абакаши, питанги¹, шишки и фиги — амулеты всех размеров, всех видов. От матери своей, негрятки Предилеты, унаследовал он дар воображения и без устали мастерит броши, кольца, безделушки — больших денег стоят они теперь у антикваров.

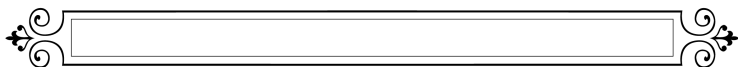
А рядом — палатки, в которых продают волшебные травы, лечат целебными настоями. Дона Аделаида Гостес, матершинница и пьяница, знает каждую травку, каждый листик, знает, пользу они принесут или вред. Ей ведомы целебные свойства корней, коры, кожуры: вот алума — для печени; вот лимонная мята — чтоб унять тревогу; вот жеваная тиририка — если мучает похмелье; вот золототысячник — если почки больные; вот святая трава — от живота; вот «козлиная борода» — для того, чтобы поднялось настроение и еще кое-что. Неподалеку торгует другая «зна-

¹ К а ж у — плод бразильского дерева с тем же названием; а б а к а ш и — разновидность ананаса; п и т а н г а — плод дерева питангейра.

менитость», дона Филомена: попросите, заплатите — и она заговорит вас от сглазу, вылечит от хронического катара, а если у пациента слабая грудь, она приготовит настой из кресса, меда, молока, лимона и бог знает каких еще снадобий — самый страшный кашель как рукой снимет! Один врач выучился у нее кровь очищать, а потом уехал в Сан-Пауло, стал там лечить сифилис и быстро разбогател.

Ректорат этого народного университета находится в «Лавке чудес», в доме № 60 по Ладейра-до-Табуан. Там сидит местре Лидио Корро, пишет «чудеса» по заказу, показывает тени волшебным фонарем, режет по дереву грубые гравюры. Может быть, там встретите вы и самого ректора, местре Педро Аршанжо? Очень может быть, что вместе с другом он склонился над старыми литерами, над капризным типографским станком. Может быть, в убогой и ветхой мастерской печатают сейчас книгу о том, как живут люди в Баие.

Совсем рядом, на Террейро Иисуса, возвышается медицинский факультет: там тоже учат лечить болезни и ухаживать за больными. И многим другим премудростям: от риторики до стихосложения. Там же выдвигаются весьма рискованные теории.

О ТОМ, КАК ПОЭТ И БАКАЛАВР-СОЦИОЛОГ
ФАУСТО ПЕНА ПОЛУЧИЛ ОДНО ПОРУЧЕНИЕ,
И О ТОМ, КАК ОН С НИМ СПРАВИЛСЯ

На нижеследующих страницах читатель найдет мои исследования, касающиеся жизни и творчества Педро Аршанжо. Работа эта была мне заказана великим Джеймсом Д. Левенсоном и оплачена долларами.

Необходимо сделать несколько предварительных замечаний, потому что жизнь Педро Аршанжо от самого ее начала до конца породила огромное количество вздорных и нелепых вымыслов. Просматривая сделанные записи, я убедился, что, несмотря на все мои искренние и огромные старания — прошу читателя поверить мне! — некоторые периоды его биографии изложены противоречиво и неправдоподобно, а потому работа производит не совсем верное впечатление.

Говоря о неточностях и неопределенности, о сомнительных фактах и заведомой лжи, я имею в виду не только биографию баиянского местре, но и всю совокупность данных о нем: от событий далекого прошлого до сегодняшних, из которых главное — сенсационная пресс-конференция Джеймса Д. Левенсона; от неслыханных кутежей по случаю пятидесятилетия Аршанжо до торжественного вечера, посвященного столетней годовщине со дня его рождения. А восстановление во всех деталях его биографии не входило в мои намерения, да этого и не требовал от меня ученый из Колумбийского университета: его интересовали только

методы работы, позволившие Аршанжо создать такие живые и своеобразные произведения. Он требовал от меня лишь перечня фактов, благодаря которым смог бы лучше представить себе личность Аршанжо, написать нечто вроде предисловия к американскому изданию его трудов.

Однако не только мелкие подробности, но подчас и очень важные, необходимые для исследователя факты биографии Педро Аршанжо восстановить мне не удалось, я часто оказывался перед пустотой, разрывами во времени и пространстве или обнаруживал необъяснимые события, разнообразные версии, нелепые интерпретации, противоречивые свидетельства противоречивших друг другу свидетелей. Собранный материал находился в полнейшем беспорядке. Так, например, я не выяснил, является ли негритянка Роза де Ошала мулаткой Ризолетой, происходящей от ведьмы, или Доротеей, заключившей сделку с дьяволом. Некоторые отождествляют ее с Розендой Батиста дос Рейс, уроженкой Муритибы; иные — с прекрасной Сабиной дос Анжос, «самой красивой из всех ангелов»¹, как галантно говорил о ней Педро Аршанжо. И все же: об одной и той же баиянке идет речь или о разных? Мне это определить не удалось, и, я боюсь, не удастся никому.

Должен признаться, что в сообщениях очевидцев царит такая путаница, такая неразбериха, что у меня часто не хватало сил и терпения проверить ту или иную гипотезу, выяснить подробности, которые могли бы пролить свет на это загадочное дело. Я постоянно сталкивался с полным отсутствием достоверности и надежности, я все время натывался на «вероятно», «возможно», «скорей всего», словно эти люди видели в покойном Педро Аршанжо не человека из плоти и крови, а — судя по тому количеству подвигов, которые ему приписываются, — целую когорту героев и кудесников. Провести грань между правдой и вымыслом, между действительностью и фантазией я не смог.

¹ Здесь игра слов: анжос (anjós) — ангелы (*португ.*).